Текст · 1 мая 2020, 12:00
Алла Константинова, Давид Френкель,

Как медики заражаются коронавирусом и погибают. Пример Петербурга

В России не публикуется отдельная статистика о числе заразившихся *COVID-19* и погибших медиков — эти данные время от времени сообщают только региональные власти, а список умерших ведут волонтеры. При этом число зараженных сотрудников больниц постоянно растет, многие из них продолжают работать в закрытых на карантин отделениях. Как это происходит, «Медиазона» решила показать на примере Петербурга, где коронавирус выявили уже больше чем у 250 медиков (8 из них скончались).

«Они хотят сказать, что рак вызвал у мамы легочную недостаточность»

Медсестра петербургского НИИ скорой помощи Валентина Шужина скончалась в реанимации Госпиталя для ветеранов войн 18 апреля. Ей было 56 лет.

«Мама больше 30 лет проработала в НИИ, свою профессию очень любила, — рассказывает ее дочь Анна Шужина. — Друзья звали ее "скорая помощь", она по первому звонку готова была помочь. В конце марта у мамы сильно заболел живот, она прошла обследование на работе — оказалось, рак поджелудочной железы четвертой степени тяжести. Но результат биопсии пришел

хороший — рак поддавался химии в ее случае. Маме было тяжело несколько дней, врачи решили сделать компьютерную томографию: обнаружили у нее левостороннюю пневмонию».

Две недели Валентине кололи антибиотики, но температура не спадала, начались проблемы с дыханием, рассказывает Анна: «Все думали, что это такой тяжелый восстановительный процесс». Медсестре сделали анализ на коронавирус — 11 апреля пришли положительные результаты тестов. В тот же день ее перевели в Госпиталь для ветеранов войн.

«Ее сразу же положили в реанимацию, но дышала она еще сама, — продолжает дочь. — Потом перевели в отделение с кислородной маской — она уже лежала, ходить не могла, дыхание становилось все тяжелее. Трубку почти уже не брала, меня держали в курсе ее коллеги. Своей родной сестре, моей тете, незадолго до смерти мама сказала: "Саша, я не выживу". 17 апреля ее снова перевели в реанимацию, собирались интубировать. Через сутки мне позвонили из госпиталя, сообщив о маминой смерти. Сказали, что у нее развилась легочная недостаточность и двусторонняя пневмония».

В госпитале причиной смерти Шужиной назвали «обширные метастазы». Дочь с этим не согласна: «Они хотят сказать, что рак вызвал у мамы легочную недостаточность».

Посмертный тест тоже подтвердил коронавирус, говорит Анна. Ее мать до сих пор не похоронили: сначала родственники ждали разрешения на захоронение[1] от Роспотребнадзора, потом — своей

очереди на кремацию. «Урну с прахом выдадут только на третий день после кремации, то есть 5 мая», — уточняет дочь.

Власти Петербурга обещали выплатить 1 млн рублей семьям медиков, погибших «в связи с заражением коронавирусной инфекцией», но на деньги дочь медсестры не рассчитывает: по документам Валентина Шужина скончалась из-за онкологии. Впрочем, даже в случае подтверждения смерти от *COVID-19* специальная комиссия должна сначала установить причину заражения и «наличие вины медицинского работника (в процентах)».

«Обидно, что смерти медиков обсуждают сейчас, проводя параллель с выплатами, — говорит Анна Шужина. — Платить у нас не любят, да мы и не просили. Но я уверена: маму убил вирус, а не рак».

Стена памяти медиков, умерших от коронавируса. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Погибшие медики

Медсестра Шужина — одна из восьми скончавшихся сотрудников петербургских больниц с *COVID-19*, чьи имена попали в неофициально созданный российскими врачами «Список памяти». Власти Петербурга официально признали смерть шестерых из них — сначала[2] четырех медсестер, а затем[3] еще врача и медсестры.

Именно о погибших медсестрах в городском комитете по здравоохранению сказали, что «у них либо были другие тяжелые болезни, которые привели к смерти, либо они заразились не при исполнении трудовых обязанностей».

«Медики могут заражаться, как и все другие люди, в других местах. Не только на работе», — настаивают чиновники.

Смерть еще двух врачей из списка — Алексея Филиппова и Сергея Белошицкого из Александровской больницы — в официальную статистику пока не вошла.

Данные о погибших от коронавируса в Петербурге в целом публикуются с запозданием — «Медиазона» сталкивается с этим каждый день, обновляя инфографику о числе заболевших и умерших; все новые данные о смертях приходится перепроверять по нескольким источникам: например, официальным данным комитета по здравоохранению, неофициальному списку умерших медиков, сообщениям в прессе, основанным в том числе на надписях на могилах с выделенных под захоронение умерших от коронавируса участков.

К примеру, 30-летняя медсестра Мария Тышко из Госпиталя для ветеранов войн скончалась 15 апреля, за день до нее умерла медсестра Елена Суглобова из больницы Святой Марии Магдалены, но официальный комментарий петербургский комитет по здравоохранению дал журналистам только 25 апреля — после того как оба имени оказались в «Списке памяти».

При комитете по здравоохранению работает комиссия по анализу летальных исходов, в которую входят 11 экспертов. «Свое заключение комиссия выдает после получения результатов паталогоанатомического исследования. Для его подготовки требуется не менее семи дней», — отмечает пресс-служба комитета.

К 1 мая комиссия признала гибель 33 больных с коронавирусом (в уточненной[4] статистике «Медиазоны» — 42 погибших).

Только в НИИ скорой помощи им. Джанелидзе, в котором работала погибшая медсестра Валентина Шужина, *COVID-19* выявили у 111 сотрудников. К концу апреля, по официальным данным, в Петербурге заразился 251 медицинский работник — сами врачи винят в таком числе заболевших руководство города, не обеспечившее медиков необходимыми средствам защиты и вовремя не подготовившее больницы к приему зараженных коронавирусом.

Врач в окне Покровской больницы. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Первые пациенты

До начала марта людей с подозрением на коронавирус отправляли в инфекционную Боткинскую больницу на севере Петербурга — ее новый корпус рассчитан на 600 человек, но больных клали по одному в двухместный бокс, поэтому места быстро закончились. Пациентов стали направлять в старый корпус в центре города, известный среди петербуржцев плохими условиями и ветхим состоянием, а также в пульмонологическую Введенскую больницу.

Решение власти опубликовали 5 марта, но еще до этого пациенты Введенской начали жаловаться, что их переводят в другие учреждения или выписывают, чтобы освободить места. В Боткинскую больницу попадали люди с ОРВИ и другими симптомами, вернувшиеся из-за границы, во Введенскую — те, кто не покидал Россию. При этом к 5 марта *COVID-19* был официально подтвержден только у одного человека в Петербурге.

Места во Введенской больнице закончились уже к 15 марта, началось перепрофилирование больницы Святого Георгия. К концу месяца стали приходить положительные тесты на коронавирус у пациентов за пределами Боткинской больницы: 27 марта подтвердились случаи заражения во Введенской и больнице Святого Георгия — причем в ожидании тестов больные там лежали в обычных палатах, вперемешку с пациентами без подозрений на *COVID-19*. На следующий день инфекцию выявили

у пациента больницы №20 — отделение с 23 пациентами и пятью сотрудниками закрыли на карантин на две недели.

Уже тогда издание «Доктор Питер» отмечало, что необходимыми средствами защиты обеспечены только врачи из Боткинской больницы — остальные госпитали, которым пришлось принимать больных с коронавирусом, ранее не предназначались для борьбы с инфекционными заболеваниями и не были переоборудованы.

Медики в одноразовых халатах у Покровской больницы. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Больница Святой Евгении и недостаток средств защиты

Марианну Замятину сняли с должности заведующей отделения кардиологии больницы Святой Евгении после того, как в конце марта она потребовала у начальства средства защиты. Врач рассказывает, что ей и коллегам не хватало масок, их приходилось дезинфицировать и использовать многократно, как и одноразовые халаты. По словам Замятиной, она продолжила работать рядовым врачом и лечила 15 человек с подтвержденным *COVID-19*.

«Мне дети с первого дня: "Мама, уходи!" — рассказывает она. — Я ж пенсионер, мне 56 лет. Но как я уйду? За мной отделение. Шесть пациентов

— тяжелые, после кардиологических операций, с массой препаратов и кардиологических проблем. Я-то, со своим более чем 30-летним стажем, голову сломала: как там все препараты будут сочетаться с противовирусными, антибиотиками и прочим. А если бы я ушла — кто бы их лечил? Точно не кардиолог бы их лечил».

С 1 апреля на карантин полностью закрыли два отделения больницы Святой Евгении — неврологии и терапии — врачи не покидали их и жили в госпитале. При этом статуса стационара по работе с коронавирусом у больницы не было, говорит Замятина. Она добавляет, что если медик из неспециализированной больницы заразится коронавирусом — доказать, что это произошло на рабочем месте, будет практически невозможно.

«Я на четвертой неделе работы не выдержала. Хоть и била тревогу с первого дня. Но не выносила это наружу», — продолжает Замятина. 20 апреля она отправила обращение губернатору Петербурга Александру Беглову, его копия появилась в соцсетях. Через пару дней Замятину перевели в филиал[5] Госпиталя для ветеранов войн на Народной улице.

Пневмония. Больничный дневник журналистки «Медиазоны»

На новом рабочем месте, по словам врача, она пробыла всего два часа — увидев, что коллеги не соблюдают меры безопасности, написала заявление об увольнении: «Тогда же от сотрудников госпиталя узнала, что у них очень много больных среди персонала, в том числе начмед, которая ходит по больнице без средств защиты. Видела, как медсестры приходят в ординаторскую в тех же костюмах, в которых они были у больных. Разделения на зоны в госпитале вообще не было, обычная больница».

Госпитали, которые принимают инфекционных больных, для безопасности врачей и пациентов делят на зоны. В «красную зону» попадают больные в тяжелом и критическом состоянии. «Грязной зоной» считаются все потенциально опасные места: фильтры для снятия одежды, помещения для дезинфекции, хранения пищевых отходов. «Чистая зона» — территория, на которой сотрудникам учреждения можно находиться без средств защиты. Из других зон они должны попадать туда через фильтр-блок (он же шлюз), где снимают рабочую одежду и проходят дезинфекцию.

Машины скорой помощи в ожидании своей очереди у Покровской больницы. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Покровская больница требует шлюзы

С конца апреля перед Покровской больницей собираются очереди из десятков машин скорой помощи, власти объясняют их перегрузкой городской системы здравоохранения. Две недели назад 130 сотрудников этой больницы потребовали предоставить госпиталю статус инфекционного стационара и обеспечить зонирование в здании — разбить больницу на «грязные» и «чистые» зоны, а также разделить потоки персонала и пациентов.

Пациенты с подозрением на коронавирус появились там в первых числах апреля, вскоре сотрудники больницы записали видео, в котором рассказали об отсутствии средств защиты и о том, что в палаты не проведен кислород для лечения пневмонии: «Мы не отказываемся от работы. Мы любим наших пациентов и хотим, чтобы было выздоровление у всех. Но работать в таких незащищенных условиях не представляется возможным».

Главврач сказала, что это «неправда», а городской комитет по здравоохранению заявил-, что в Покровской больнице нет инфекционных больных. Но уже к 15 апреля ее официально перепрофилировали на работу с коронавирусом, а большую часть отделений закрыли на карантин из-за десятков пациентов с *COVID-19* — среди заболевших оказались и врачи.

Но проблем с зонированием и защитой это не решило. Реаниматолог Сергей Саяпин рассказал, как подключал к ИВЛ пациента с коронавирусом в спецзащите, купленной на свои деньги. «С-

о стороны администрации учреждения не было сделано ничего для предупреждения заражения персонала», — возмутился медик. Он попросил винить в возможном заражении сотрудников главврача Марину Бахолдину.

Тем же вечером Саяпина госпитализировали, а через несколько дней он опубликовал результаты теста, подтвердившие у него *COVID-19*. По словам реаниматолога, смены в Покровской больнице длились по 24 часа, а средства защиты закупались самими врачами или с помощью спонсоров и передавались тайком от главврача, утверждавшей, что в больнице есть все необходимое.

Когда Роспотребнадзор наконец согласовал организацию в Покровской больнице шлюзов, один из них уже удалось построить силами волонтеров. Кардиолог Марианна Замятина рассказывает, что зонирование помещений в больницах можно сделать с помощью подручных средств: «Делаешь "грязную" зону, шлюз и "чистую" зону — нужны две палки и полиэтиленовая пленка».

Не менее важно, говорит она, установить точный порядок действий сотрудников при прохождении через шлюз: «В шлюзовой зоне одежду должны снимать и обрабатывать. Причем там должен быть второй человек, который помогал бы медику одеться и раздеться. А сейчас одежда висит на общем крючке — рогатая подставка для всех — сняли, повесили, потом надели чужую, необработанную».

Медик у Покровской больницы. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Врачи с COVID-19. «Откапают себя — и идут к пациентам»

Вслед за Покровской об исчерпании своих ресурсов сообщила и профильная Боткинская больница — ее оставили для тяжелых коронавирусных больных. Именно в Боткинскую больницу попадают медики с *COVID-19* — к 30 апреля 162 из них находились в госпитале, еще около ста человек, по сообщению городского комитета по здравоохранению, лечатся дома.

К 1 мая в Петербурге выявили коронавирус у 4 411 человек. Почти во всех больницах города есть отделения на карантине, в которых большинство пациентов и медиков уже переболели. Врачей в городе не хватает — власти объявили дополнительный набор персонала «для работы с больными новой коронавирусной инфекцией *COVID-19*».

Работающий медбратом в реанимационном отделении Мариинской больницы Михаил Лобан рассказывает, что первые пациенты с *COVID-19* поступили в больницу месяц назад, а ее сотрудники начали заражаться уже через неделю.

«Первых коронавирусных больных завозили случайно: в приемном покое обследовали, делали

компьютерную томографию и изолировали в приемном покое, — говорит он. — Защиты никакой не было, один или два костюма были у медработников в приемном покое. И то это одноразовые хирургические костюмы, они не особо защищают».

При этом связь с начальством больницы была только по вотсапу: «Нам ничего не объясняли, руководство на какое-то время закрылось у себя на этаже. Сначала на карантин, потому что среди администрации был кто-то заболевший, а потом неделю еще сидели, просто изолировавшись».

Кардиолог Замятина уверена, что медики в больницах Петербурга заразились в первую очередь из-за «неблагоразумия» руководства: «Они не спускались вниз, не видели, что это за болезнь, что это за пациенты. Они считают, как обычные обыватели, что коронавирус где-то там далеко».

Сейчас в городе полностью закрыт на карантин только НИИ травматологии и ортопедии им. Вредена, в нем находятся 440 пациентов и 260 сотрудников. Директора института госпитализировали с коронавирусом, у многих сотрудников, по информации «Фонтанки», тоже подтвердили инфекцию, но они вынуждены продолжать работу.

Живут медики прямо в госпитале. Через шлюзовую зону им и пациентам доставляют еду и медикаменты, рассказывает заведующий отделением нейроортопедии Дмитрий Пташников: «Мы живем постоянно в "красной" зоне. Я у себя в кабинете

поставил больничную кровать, сотрудники в палатах разместились, врачи — один в ординаторской, другие в сестринских. К такому образу жизни не особо привыкаешь, да и не хочешь привыкать. Жизнь в замкнутом пространстве, 24 часа на работе. Но другого варианта у нас не было».

Несколько дней назад появилось видеообращение сотрудницы института, которая рассказала, что находится на карантине с 9 апреля и что в тот же день в больницу попало все ее руководство. По словам медсестры, к концу месяца она осталась единственным медиком в своем отделении — всех остальных уже госпитализировали.

Дмитрий Пташников говорит «Медиазоне», что не в курсе ситуации, так как эта сотрудница работает в другом отделении больницы. «Всем сейчас психологически непросто», — замечает он. Из десяти сотрудников его отделения коронавирусом переболели все, в том числе и сам Пташников. Из 32 пациентов не заразились только трое.

«Два доктора заразились практически сразу, остальные — на пятый, десятый день [карантина], — говорит врач. — Кто-то держался, держался, но, к сожалению, заразился. Работали между капельницами: откапают себя — и идут к пациентам».

Пташников замечает, что поначалу скептически относился к информации о новом заболевании, предполагая, что *COVID-19* мало чем отличается от обычного гриппа, но со временем пересмотрел свое отношение к эпидемии.

«Время, проведенное здесь, позволило немного переосмыслить ситуацию, — говорит Пташников у себя в инстаграме. — Вначале я думал, как и многие из вас, что это обычный грипп. Что 80% населения переносит его легко или в средней тяжести. Но все не совсем так. <...> На сегодняшний день не сформировано единого мнения по патогенезу этого заболевания — пневмония это или не пневмония вообще. Соответственно, нет точной концепции и алгоритма по лечению».

Он добавляет: «Что сейчас для меня самое сложное? Самое сложное, когда осознаешь, что твоя семья живет трудно, пока тебя там нет. Что моя четырехмесячная дочь почти месяц растет без отца. Надеюсь, когда я вернусь, она меня узнает».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Погибших от коронавируса в Петербурге хоронят на двух кладбищах: Новом Колпинском и кладбище в Иликах. Сначала по приказу главы регионального Роспотребнадзора хоронили в цинковых гробах, но 22 апреля правительство Петербурга разрешило «деревянные гробы с металлическим вкладышем». Разрешена и кремация — ее проводят без ритуальных церемоний. Похоронить или кремировать усопшего с COVID-19 можно только с разрешения Роспотребнадзора.
2. 55-летняя Светлана Давтян и 30-летняя Мария Тышко, медсестры из Госпиталя для ветеранов войн, 56-летняя медсестра Валентина Шужина из НИИ Скорой помощи им. Джанелидзе и 58-летняя медсестра одной из петербургских поликлиник Наталья Рожкова.
3. 69-летняя врач скорой помощи Антонина Рында и 56-летняя медсестра больницы Святой Марии Магдалены Елена Суглобова.
4. В Петербурге официально сообщили о 33 погибших с COVID-19. Смерти еще пяти медиков и одного пациента в комитете по

здравоохранению признали, но отказались считать коронавирус основной причиной смерти — в статистику они не вошли. «Медиазона» также учитывает двух врачей, чью смерть от коронавируса власти не отрицают, но которые пока не попали в статистику, и одного пациента, похороненного на специальном участке кладбища (о его положительных тестах на коронавирус писала «Фонтанка»).

5. Больница Святой Евгении — тоже относится к Госпиталю для ветеранов войн и считается его филиалом.